

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

XVIII.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Такъ какъ мы, собственно говоря—не потомки, т. е. не получили въ наслѣдство никакого родового духовнаго имѣнія, то будемъ сами предками! Легко сказать, а легко ли сдѣлать?!

Трудно, милостивые государи и государыни, знаю, что трудно, но необходимо, потому что нельзя же вѣчно нищенствовать. А что нищета наша въ самомъ дѣлѣ велика, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чтò бь мы были безъ суда? спрашивалъ покойный Курочкинъ, и я повторяю вопросъ веселаго покойника. Чтò бь мы были безъ процесовъ Мяснивовыхъ, игуменъ Митрофаніи, Овсянникова и проч.? Чтò бь мы были, еслибы, время отъ времени, не поджигались мельницы и не совершались подлоги, еслибы то г. Спасовичъ, то г. Потѣхинъ не подкатывали, по временамъ, подъ нашу тишь и гладь боченковъ своего адвокатскаго пороха? Просто, ложись въ гробъ и умирай! Было время, когда мы возлагали надежды на Западную Европу: дескать, своей жизни нѣтъ настоящей, такъ будемъ жить жизнью европейскою. Оно и удавалось временами. Мы волновались по случаю паденія или торжества какой-нибудь идеи или какого-нибудь факта во Франціи, въ Германіи и, такимъ образомъ, обманывали свою жажду жизни, потому что жажда-то жиз-

ни всегда была и не может ея не быть, хоть иной разъ она еле-еле даетъ себя знать. Какъ бы тамъ ни было, но теперь мы ужь отраженіемъ европейской жизни не умѣемъ жить. И нужного-то для этого безкорыстія у насъ нѣтъ, и въ Европѣ-то идетъ все больше такая скука, что ея жить нельзя, и, наконецъ, собственная наша нищета до того дошла, что мы всякое чутье потеряли.

Не я одинъ это говорю. Вотъ примѣры.

Сцена представляетъ «сѣрый гороховый кисель, называемый русскою дѣйствительностью», «безформенную слякоть, въ которой все тонетъ. Ее ничѣмъ не проймешь: хлыстнешь по ней бичомъ, рубецъ тотчасъ затянетъ, кисельная поверхность опять сплывется». «Мы живемъ въ печальное время господства низшихъ требованій. Все, что приподнято надъ уровнемъ полузнанія, представляется намъ посягательствомъ на нашъ умственный комфортъ, на свободу нашего духовнаго нищенства». Вѣдь все это—почти тоже, что и я говорилъ *nur mit Bischep anderen Worten*. Но было бы съ моей стороны безсовѣстнѣйшимъ плагиатомъ, еслибы я вздумалъ подписаться подъ дальнѣйшимъ теченіемъ сцены, имѣющей мѣсто въ сѣромъ гороховомъ киселѣ. Изъ киселя этого вдругъ выдѣляется, къ удивленію, ни малѣйше не замаранная, лучезарная фигура князя Юхотскаго. Ему 27 лѣтъ. «Лицо его поражаетъ сочетаніемъ чрезвычайной серьезности съ блескомъ молодости, словно стрѣляющей изъ темно-сѣрыхъ, ясныхъ, глубокихъ глазъ. Эти глаза и дополняютъ выраженіе строгаго, прорѣзаннаго чуть видными морщинками лба и какъ будто противорѣчатъ ему: въ ихъ лучистомъ свѣтѣ есть что-то изящно веселое, смѣлое и своевольное, такъ же, какъ и въ очертаніи губъ, глядя на которыя, непремѣнно хочется видѣть ихъ улыбающимися. Молодой станъ князя обнаруживаетъ почти женственную гибкость, подъ которою, однако, чувствуется львиная сила мускуловъ». Но не одними только внѣшними качествами сіяетъ князь Юхотскій. Что такое тѣлесная красота?!—глѣнь. «Рѣчь его скользитъ по предметамъ, осыпая ихъ брызгами остроумія и веселости, и переходитъ въ блестящую импровизацію». Онъ самъ (а кому же лучше знать?) пишетъ своему заграничному другу профессору Овергагену, что, на всемъ странствѣ гороховаго киселя, онъ будетъ «единственнымъ носителемъ положительнаго идеала», и что, дескать, «свѣтъ и нравъ,

истина и ложь представляются мнѣ нынче съ такою опредѣленностью, мысль моя дошла до такого окончательнаго познанія добра и зла, дагѣе котораго не простирается нравственная задача жизни». Вотъ каковъ, по собственнымъ и, слѣдовательно, вѣрнѣйшимъ показаніямъ, князь Юхотскій, несмотря на свое происхождение изъ гороховаго киселя. Кромѣ того, что онъ окончательно позналъ добро и зло, онъ—замѣчательный ученый; его диспутъ въ университетѣ посрамляетъ всѣхъ «философовъ Васильевскаго Острова и Петербургской Стороны», причемъ философы Песковъ и Коломны, конечно, радуются, что избѣжали погрома. Благосклонный читатель, вы послѣ этого не удивитесь, если я скажу вамъ, что на князя Юхотскаго постоянно устремляются то «лучистые» глаза, то «лучезарные», то «сверкающіе», то «блистающіе», то «меркнущіе», то опять «лучистые» и опять «лучистые», и что всѣ эти глаза суть дамскіе. Испушеніе такъ велико, что князь Юхотскій думаетъ: чортъ возьми, чего же я зѣваю! вѣдь я окончательно позналъ добро и зло и порѣшилъ нравственную задачу жизни! Воскликнувъ такимъ образомъ, князь Юхотскій начинаетъ и самъ испускать во всѣ стороны лучистые, лучезарные, сверкающіе, блистающіе, меркнущіе, но преимущественно лучистые взгляды. На этомъ пока заправѣсъ опускается.

Вы догадываетесь, что я вамъ рассказалъ начало романа маркиза Маркевича, виконта Авсѣенки или дюка Антропова. Вѣрно. Это — содержаніе первой части романа виконта Авсѣенки «Млечный путь» («Русскій Вѣстникъ» 1875, № 10). Произведенія этихъ сіятельныхъ господъ пользуются такою обширною и вполне заслуженною извѣстностью, что говорить о нихъ нечего. Я хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя только на нѣкоторые приемы этихъ блестящихъ писателей, при помощи которыхъ они скромно берегаютъ свои исполнскія силы отъ излишней траты. Напримѣръ, герои ихъ часто говорятъ «пламенные рѣчи», «блестящія импровизаціи» и т. п., но, въ сущности, они ихъ вовсе не говорятъ, т. е. читатель ихъ не слышитъ, а долженъ вѣрить господину маркизу или виконту, что блестящая импровизація дѣйствительно имѣла мѣсто. Я хвалю этотъ приемъ, потому что откуда же маркизу Маркевичу или виконту Авсѣенкѣ взять настоящую пламенную рѣчь и подлинную блестящую импровиза-

цію. Другой приёмъ: герой, проникнутый необычайно глубокими думами, не отвѣчаетъ разговаривающему съ нимъ простому смертному, потому что «мысль его гдѣ-то далеко, въ чистомъ надзвѣздномъ мірѣ». Это тоже хорошо, потому что отвѣтовъ про всёхъ не наберешься. Наконецъ, за послѣднее время сталъ обрисовываться еще одинъ, весьма пѣлесообразный приёмъ: на сценѣ появляется философъ пессимистъ-отрицатель, школы Шопенгауера и Гартмана. Въ романѣ маркиза Маркевича «Марина изъ Алаго Рога» показывается самъ Шопенгауеръ, но только, такъ сказать, однимъ ухомъ. Въ романѣ виконта Авсѣенки этотъ образъ уже болѣе «материализуется»: профессоръ Овергагенъ пишетъ пѣлыя письма къ князю Юхотскому. Дюкъ Антроповъ, съ помощью Божией, пойдетъ, надо надѣяться, еще дольше и изобразить, наконецъ, философа-пессимиста съ руками и ногами! Этотъ философъ представляетъ собою изобрѣтеніе чисто механическое, въ родѣ маховаго колеса или безконечнаго ремня, но весьма удобное. Онъ долженъ внушать, что *всякій* идеаль есть ложь и самообольщеніе, что *всякая* жизнь заслуживаетъ только отрицанія. Поэтому противнику его, князю Юхотскому или иному, нѣтъ никакой надобности пускаться въ разборъ и классификацію идеаловъ и формъ жизни. Онъ можетъ спокойно восклицать, нѣтъ, есть на свѣтѣ положительный идеаль, и я буду его носителемъ! есть въ жизни много высоваго и цѣннаго, къ чему можно прилѣпиться всей душой! И, такимъ образомъ, князь Юхотскій можетъ весьма много болтать, оставаясь на достаточной высотѣ отъ болѣе точнаго опредѣленія положительныхъ идеаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ можетъ продолжать самыя дружескія сношенія съ своимъ философскимъ противникомъ, потому что между человѣкомъ, *все отрицающимъ* и человѣкомъ, *неизвѣстно что полагающимъ*, конечно, раздоровъ быть не можетъ. И мирно, значить, и хорошо, и экономно.

Это я, впрочемъ, мимоходомъ.* Занимаетъ же меня собственно совпаденіе моихъ мыслей съ мыслями виконта Авсѣенки. Совпаденіе это до извѣстной степени несомнѣнно существуетъ. Насчетъ, напримѣръ, гороховаго виселя я съ виконтомъ совершенно согласенъ, но, не будучи такъ близокъ (какъ виконтъ Авсѣенко и дюкъ Антроповъ) къ ароматнымъ и блестящимъ сферамъ большаго свѣта, я не могу поручиться, что, дѣйствительно, оттуда раздастся благая вѣсть: да будетъ свѣтъ! У самого виконта Авсѣенки всё эти блестящія импровизаціи и искорененія нравственныхъ задачъ жизни суть только *ria desideria*, а не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ. На диспутъ Юхотскаго собралось очень много народу, потому что диспутантъ «представлялъ двойной интересъ—блестящаго ученаго и человѣка, принадлежащаго по рожденію и связямъ къ большому свѣту. Въ первый разъ еще этотъ большой свѣтъ чувствовалъ себя какъ-бы прикосновеннымъ къ академическому торжеству». Слѣдовательно, виконтъ Авсѣенко предугадываетъ событія, забѣгаетъ впередъ и предла-

гасть вѣрять въ невидимое, какъ-бы въ видимое. Въ дѣйствительности этого *перваго* раза вѣдь еще не было. Это—мечта поэта, и вотъ почему виконтъ Авсѣенко занимаетъ характеристику князя у французскихъ романистовъ, герои которыхъ всегда имѣютъ руки, мускулистыя, какъ руки кузнеца, и бѣлыя, какъ рука герцогини. Предки князя Юхотскаго, рядомъ съ предками Авсѣенки, бились за отечество и занимали высокіе государственныя посты. Они не передали Юхотскому характеризующихъ его философскихъ способностей и склонностей. Стало быть, эта мечта поэта обозначаетъ собою человѣка, который самъ—предокъ. Къ сожалѣнію, это—только мечта, да и мечта плохая, потому что тотъ путь, которымъ князь Юхотскій придетъ съ теченіемъ времени къ своему *первому* разу (да будетъ ему дорога скатертью), всѣ эти блестящія импровизаціи, лучистые, лучезарные и т. д. вборы, бесѣды съ профессорами Овергагенами и проч.—все это дѣло испытанное и переиспытанное. Одно только можно сказать по прочтеніи первой части «Млечнаго пути»: нищета духовная, дѣйствительно, велика, если во всемъ образованномъ обществѣ только одинъ человѣкъ есть носитель положительнаго идеала, да и то неизвѣстно какого, и этотъ единственный—еще не существуетъ! Обратите вниманіе, что виконтъ Авсѣенко не осмѣливается поставить рядомъ съ идеальнымъ княземъ Юхотскимъ себя, маркиза Маркевича, дюка Антропова, М. Н. Каткова и т. п. Онъ рѣшается *implicite* объявить, что всѣ эти почтенные люди ни мало не выдѣляются изъ сѣраго гороховаго киселя, а что придетъ современемъ нѣкоторый князь и князь этотъ будетъ единственнымъ носителемъ положительнаго идеала.

Поищемъ другихъ указаній. Вотъ статья г. Мордовцева «Печать въ провинціи» («Дѣло», №№ 9 и 10). Эту, полную противорѣчій и недомолвокъ, но любопытную и, такъ сказать, возбуждающую статью я приберегаю до другого случая. Здѣсь я приведу только два тезиса г. Мордовцева. Онъ полагаетъ, что въ обществѣ дѣйствуетъ особый законъ (трудно уловить районъ его дѣйствій и степень повелительности, какъ закона) централизаціи или центростремительной силы, повинная которой, всѣ выдающіеся общественные элементы стягиваются къ центрамъ, къ большимъ городамъ. Отсюда вытекаетъ тяжелый приговоръ провинціальной печати. Обращаясь далѣе къ Малороссіи, г. Мордовцевъ полагаетъ, что ея историческое прошлое, не лишенное славныхъ моментовъ, играетъ роль тяжелой гири, мѣшающей малороссамъ отдаться жизни настоящаго, какъ это удастся великороссамъ, у которыхъ нѣтъ въ прошедшемъ такой гири. Все это очень любопытно и, конечно, по малой мѣрѣ очень спорно. Теперь я только отмѣчаю еще одинъ рецептъ для выхода изъ одолевшаго насъ духовнаго нищенства: городъ, большія города въ родѣ Лондона, Парижа и проч.

Обратимся къ статьѣ г. П. Ч. «Отчего безжизненна наша литература» («Недѣля», № 44). Тутъ мы имѣемъ опять новый ре-

цепть и, притомъ, совершенно противоположный предыдущимъ. По мнѣнію г. П. Ч., городъ есть наша погибель, а наше спасеніе въ деревнѣ. Но объ г. П. Ч. я бы попросилъ сказать нѣскольکو словъ въ скобкахъ. Онъ снисходительно относится къ «Отечественнымъ Запискамъ». И, конечно, спасибо ему за это. Но когда я увидѣлъ, что въ его небольшой статейкѣ нѣтъ *ни одной* общей мысли, которая не была бы развита въ разное время въ «Отечественныхъ Запискахъ», мнѣ показалось, что одной снисходительности, вдобавокъ не лишенной уворительнаго характера, съ его стороны маловато. И мнѣ стало обидно, не за себя или «Отечественныя Записки», а за самого г. П. Ч., которому я желаю всего хорошаго. Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣчу, что я отнюдь не заподозриваю самостоятельности г. П. Ч., а также вовсе не требую какой нибудь особенной почтительности къ «Отечественнымъ Запискамъ». Боже избави! Но отношеніе равнаго къ равному, откровеннаго единомышленника къ единомышленнику было бы, я полагаю, довольно умѣстно въ этомъ случаѣ. А то г. П. Ч. точно нарочно не то что выискиваетъ пунктики разногласія, а аффектируетъ тонъ такого выискивающегоа. Я гораздо проще и откровеннѣе его. Я прямо скажу, что въ общемъ имѣю честь раздѣлять мнѣнія г. П. Ч., да и нельзя ихъ мнѣ не раздѣлять, потому что я ихъ не разъ высказывалъ, и только нѣкоторыя частности подчеркнул бы я сильнѣе, а нѣкоторыя другія не подчеркнул бы вовсе. Но зато я не успокоился бы на окончательныхъ выводахъ г. П. Ч., т. е. собственно на ихъ, повидимому, категорической и ясной, а въ сущности туманной и неопредѣленной формѣ. Объ нихъ только я и рѣчь поведу, потому что все остальное въ статьѣ «Недѣли» читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» извѣстно.

«Мы не должны и не можемъ идти по пути западной Европы — это несомнѣнно. Приходится прокладывать свой собственный путь, который долженъ вытекать изъ коренныхъ основъ русскаго быта. Но въ чемъ эти основы? А главное: какъ приурочить намъ и связать съ ихъ сущностью дѣйствительно здоровыя стороны европейской цивилизаціи?». Такъ ставитъ г. П. Ч. вопросъ о выходѣ нашемъ изъ состоянія духовнаго нищенства. Значитъ, если исторія не оставила намъ, русскому образованному обществу, никакого духовнаго наслѣдства — что, между прочимъ, имѣеть свои и хорошія, и дурныя стороны — то о многомиліонной массѣ русскаго народа этого сказать нельзя. Тамъ, въ этой массѣ, была и есть исторія, и намъ надлежитъ сдѣлать ее своей. «Лично я убѣжденъ, продолжаетъ г. П. Ч.: — что, если только намъ суждено скоро услышать «надлежащее слово», его скажутъ люди деревни, а не города, и ужъ всего менѣе Петербурга. Да, скажетъ его деревня, какъ бы презрительно ни думали о ней книжники! Хотѣлось бы выяснитъ, что *подъ «деревней»* подразумѣвается единица, олицетворяющая собою принципъ солидарности, нравственной связи, въ противоположность прин-

ципу крайняю индивидуализма и нравственной разобщенности, выразителемъ которой былъ и есть европейскій городъ. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко».

Замѣьте прежде всего, читатель, необыкновенное совпаденіе, на занимающемъ насъ пунктѣ, самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Виконтъ Авсѣенко прорицаетъ: придетъ князь, который отброситъ все старое и начнетъ собою новую исторію. Г. Мордовцевъ утверждаетъ, что придетъ городъ; г. П. Ч. стоитъ на томъ, что придетъ деревня. Но всѣ трое единогласно объявляютъ, что такъ жить нельзя, какъ мы теперь живемъ, что нуженъ поворотъ и поворотъ крутой. Это единогласіе очень поучительно, но поучительно и разногласіе гг. Авсѣенка, Мордовцева и П. Ч. Оно показываетъ, что до выхода намъ не близко. Однако, просите и дайте вамъ, толпите и отверзется. Не теряя золотого времени, я прямо скажу, что симпатичнѣе всѣхъ приведенныхъ рѣшеній для меня рѣшеніе г. П. Ч. Но онъ вуалировалъ свой окончательный результатъ, скрылъ глубокой и страшный смыслъ вопроса. Г. П. Ч. много распространяется на ту тему, что пора, дескать, намъ, и въ частности нашей литературѣ, перестать «трепать заграничныя формулы». Да, «трепать» надо бросить. Но я бы желалъ его спросить, не представляютъ ли выше подчеркнутыя слова заграничной формулы, которая треплется довольно давно? Надо вѣдь правду сказать, что, въ отвлеченномъ своемъ видѣ, формула эта выставлена въ Европѣ нѣсколько раньше, чѣмъ появилась въ изложеніи г. П. Ч. на страницахъ «Недѣли». Конечно, онъ прибавилъ противоположеніе русской деревни и европейскаго города, но и эта прибавка—въ русской литературѣ не новинка. А главное, кто далъ г. П. Ч. право «подразумѣвать» подъ «деревней» единицу, олицетворяющую собой и т. д.? Если вы хотите ждать, что скажутъ люди деревни, такъ и ждите. Если вы утверждаете, что «источникомъ литературныхъ направленій должна сдѣлаться русская жизнь со всѣми своими бытовыми особенностями, которыхъ еще ни одинъ нѣмецъ въ книгу не вписалъ», такъ не забѣгайте впередъ. Можетъ быть, г. П. Ч., основательно изучивъ «русскую жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями», убѣдился, что она не выражаетъ собою ничего иного, какъ принципъ солидарности и нравственной связи? Въ такомъ случаѣ, ему жить просто, и я ему глубоко завидую, какъ вообще ученымъ людямъ. Я—профанъ и тутъ. У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все-таки сказалъ бы по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже истины и справедливости, они же знаютъ, что творять!

Я все-таки, значить, протестовалъ бы. Я и самъ съумѣю разбить бьютъ Бѣлинскаго и жечь книги, если когда нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но, пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ.

Ой, люди, люди русскіе.
Крестьяне православные!
Слышали ли когда нибудь
Вы эти имена?
То имена великія,
Носили ихъ, прославили
Заступники народныя!
Вотъ вамъ бы ихъ портреты
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать...

«И радъ бы въ рай, да дверь-то гдѣ?»—перебиваетъ эту мечту прохожій, спрашивающій, впрочемъ, о дорогѣ въ балаганъ. Вы знаете эту дверь, г. П. Ч? не въ балаганъ, а ту, другую? Мнѣ попалась подъ руку, можетъ быть, не совсѣмъ подходящая иллюстрація. Я хочу только сказать, что мнѣ чуждо, къ большому моему сожалѣнію, то состояніе душевнаго спокойствія, съ которымъ г. П. Ч. обобщаетъ свои идеалы со всѣми бытовыми особенностями русской жизни. Я ему завидую, потому что меня мучитъ цѣлый рядъ вопросовъ: что мнѣ дѣлать и какъ мнѣ думать, пока люди деревни не скажутъ своего слова? потому что вѣдь они не завтра его скажутъ; въ состояніи ли я буду безропотно выслушать всѣ ихъ слова? какъ скажутъ они ихъ, т. е. какіе для этого выберутъ органы? Г. П. Ч. все это знаетъ и потому спокоенъ, но онъ напрасно, я думаю, обзоветъ меня «книжникомъ» за то, что я лишень его спокойствія.

Я думаю, однако, что г. П. Ч. просто не совсѣмъ уяснилъ себѣ представленіе о всѣхъ бытовыхъ особенностяхъ русской «жизни». Это—такія широкія рамки, что въ нихъ мало ли что вложить можно. Г. П. Ч. вложилъ принципъ солидарности и нравственной связи, а другіе вкладываютъ совсѣмъ другое. Вотъ наприимѣръ какими словами начинается введеніе въ третій томъ «Юридическихъ монографій и изслѣдованій» г. Любавскаго, специалиста, пользующагося, кажется, въ своемъ кругу очень солидной репутацией: «Ни одно государство въ мірѣ не имѣетъ кодекса гражданскихъ законовъ, отличающагося столь *національнымъ* характеромъ, какъ Россія: у насъ гражданскіе законы выработаны дѣйствительною жизнью *русскаго народа* (оба курсива принадлежать автору); они не заимствованы изъ правъ римскаго, общегерманскаго или французскаго, не заключаютъ въ себѣ ничего чужеземнаго, импровизированнаго; о нашемъ отечествѣ можно сказать, что оно *ipse sibi jus constituit*». Если бы это мнѣніе г. Любавскаго было справедливо, то ни литературѣ, ни все-

му образованному обществу не требовалось бы, конечно, ждать чего бы то ни было от деревни, ибо все, что она имѣетъ сказать, можетъ быть усмотрѣно изъ полнаго собранія законовъ российской имперіи. Сомнѣваюсь, однако, чтобы можно было придумать что нибудь болѣе неосновательное, менѣе соответствующее дѣйствительности, чѣмъ столь категорическія слова нашего почтеннаго юриста. Специалисты, если пожелаютъ, сьумѣютъ, конечно, опровергнуть положеніе г. Любавскаго прямыми указаніями на исторію нашего законодательства. А я съ своей стороны предложу читателю другую пробу, которая намъ потомъ и для провѣрки свѣтлаго настроенія г. П. Ч. пригодится.

Недавно вышла любопытная и чрезвычайно полезная книга г. Е. Яеушкина «Обычное право». Вышелъ, собственно, первый выпускъ книги, не дающій, въ сожалѣнію, понятія о размѣрахъ и планѣ всего изданія. Этотъ первый выпускъ содержитъ «матеріалы для библіографіи обычнаго права». Въ немъ имѣются: во-первыхъ, довольно обширное предисловіе или введеніе г. Яеушкина; во-вторыхъ, списокъ больше, чѣмъ 1,500 книгъ и статей, касающихся русскаго и инородческаго обычнаго права; въ-третьихъ, указатели: систематическій, этнографическій, географическій и азбучный. Содержаніе важнѣйшихъ сочиненій, вошедшихъ въ списокъ, тутъ же вкратцѣ сообщается. Все это дѣлаетъ книгу чрезвычайно удобною и, въ виду бѣдности по этой части нашей библіографической литературы, просто неопѣвненною для всякаго рода справокъ и подбора матеріаловъ. Но книга составлена такъ хорошо, что мы можемъ воспользоваться ею для провѣрки мнѣній гг. Любавскаго и П. Ч., не прибѣгая ни къ какимъ справкамъ. Съ насъ будетъ довольно предисловія г. Яеушкина, указателей и сообщеннаго составителемъ краткаго содержанія нѣкоторыхъ главныхъ сочиненій по русскому обычному праву.

Наши законы о расторженіи брака, какъ извѣстно, очень строги. Бракъ можетъ быть расторгнутъ только формальнымъ судомъ по просьбѣ одного изъ супруговъ: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянія другого супруга или неспособности его къ брачному сожитію, 2) въ случаѣ, когда другой супругъ приговоренъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, 3) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія другого супруга. «Самовольное расторженіе брака безъ суда, говорится въ законѣ, по одному согласію супруговъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается. Равнымъ образомъ, не допускаются и никакія между супругами обязательства или иные акты, заключающіе въ себѣ условія жить имъ въ разлученіи, или же какія либо другія, вносящіяся къ разрыву супружескаго союза». Комментируя эти законы, г. Любавскій, совершенно впрочемъ логически, ухитрится вывести изъ буквы закона нѣкоторыя очень любопытныя частныя ограниченія супружеской свободы. Напримѣръ: жена лица, оскопленнаго уже по вступленіи въ бракъ, требовать развода не можетъ. Или: если невинный супругъ хочетъ слѣдовать

въ ссылку за осужденнымъ, а тотъ этого не хочетъ, то бракъ все-таки остается въ силѣ. Слишкомъ хорошо извѣстно, что въ народномъ быту эта строгость не имѣетъ мѣста. Я не считаю даже нужнымъ перебирать по этому случаю книгу г. Якушкина и ограничусь ссылкой на любопытную статью «Волостной разводъ», напечатанную въ № 45 «Недѣли», такъ какъ въ ней приводятся свѣдѣнія новыя. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губерніи крестьяне, въ случаяхъ несчастной супружеской жизни, обращаются въ «волость», которая фактически расторгаетъ бракъ, разводитъ супруговъ на всегда или на время, причемъ опредѣляетъ ихъ имущественныя отношенія и отношенія къ дѣтямъ, сообразно особенностямъ каждаго даннаго случая. Первымъ слѣдствіемъ таковаго «волостного развода» было появленіе «внѣзаконнаго брака», такъ какъ природа человѣческая и экономическія требованія жизни говорятъ, что не добро быти человѣку едину. «Какъ человѣкъ непосредственный,—говоритъ авторъ,—крестьянинъ не понимаетъ, почему нельзя поправить сдѣланной разъ ошибки въ выборѣ; почему благословеніе, разъ данное церковью, безповоротно связываетъ его съ человѣкомъ, который не можетъ ему помочь и носить экономическое ярмо, не можетъ приносить ему ничего, кромѣ страданія и горя. И онъ поступаетъ такъ, какъ ему подсказываетъ непосредственное чувство, развившееся подъ вліяніемъ общихъ бытовыхъ причинъ». Дѣти, прижитыя во «внѣзаконномъ бракѣ», признаются всегда со стороны общества наслѣдниками ихъ отцовъ. Вотъ какъ устраивается русскій народъ и, какъ извѣстно, далеко не въ одной Полтавской губерніи. Я думаю, что, въ виду подобныхъ фактовъ, мудро поддерживать тезисъ г. Любавскаго, что русское законодательство цѣликомъ и исключительно выросло изъ дѣйствительной жизни русскаго народа. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ книги г. Якушкина хотя одинъ характерный подходящій фактъ: «въ 1861 году удѣльные крестьяне села Котовки Бѣлоголовицкаго приказа Трубчевскаго уѣзда, находя, по многимъ обстоятельствамъ, неудобнымъ имѣть у себя вдоваго священника, постановили приговоромъ водворить къ нему въ домъ вдову солдатку, изъявившую на то согласіе. Приговоръ этотъ былъ засвидѣтельствованъ въ приказѣ и приведенъ въ исполненіе» («Обычное право», XXIII). Этого, я думаю, достаточно, чтобы видѣть, какъ неосновательно обобщеніе г. Любавскаго.

Обращаясь къ тезису г. П. Ч., я оставляю въ сторонѣ всѣ свѣдѣнія объ обычномъ правѣ инородцевъ и буду брать только факты, относящіеся къ коренному русскому населенію. И это я дѣлаю уступку, потому что вѣдь и самоѣды, и якуты, и чуваша — все это тоже люди деревни. Прежде всего, нашего брата въ русскомъ обычномъ правѣ поражаетъ присутствіе исторіи, которой не хватаетъ намъ, русскому образованному обществу. Сѣрая, лишенная какихъ бы то ни было яркыхъ красокъ, скорбная, постная исто-

рія русскаго народа, несмотря на все это, до такой степени прочна и непрерывна, что во многих мѣстах народъ и до сихъ поръ живетъ исключительно на основаніяхъ своего исконнаго быта, теряющагося въ отдаленнѣйшемъ мракѣ вѣковъ. Конечно, если разумѣть подъ исторіей процессъ измѣненія вѣрованій, обычаевъ, понятій, то она окажется во многихъ углахъ и закоулкахъ Россіи почти отсутствующею. Но тѣмъ сильнѣе бьетъ въ глаза та сторона исторіи, которая выражается преемственностью передачи духовнаго наслѣдства. У г. Якушкина попадаются два-три любопытныя въ этомъ отношеніи замѣчанія, тѣмъ болѣе любопытныя, что г. Якушкинъ вообще крайне осмотрителенъ въ своихъ сужденіяхъ. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ такой видъ наказанія по обычному праву: виновныхъ запрягаютъ въ телегу или сани и ѣздятъ на нихъ, подгоняя кнутомъ. Наказанію этому почти исключительно подвергаются женщины. Иногда это просто дѣло семейнаго самосуда. Вотъ одинъ такой случай, новѣйшій (1874 года). Дѣло было въ Екатеринбургской губерніи. Жена бѣжала отъ побоевъ мужа. Въ наказаніе онъ, при помощи другого крестьянина, перепоясалъ ее веревкой, привязалъ къ оглоблѣ, вмѣсто пристяжной, и шибко погналъ лошадей, осыпая жену ударами нагайки съ узломъ на концѣ. Отѣхавъ верстъ пять, онъ остановился ночевать, а утромъ поѣхалъ дальше, привязавъ опять жену на мѣсто пристяжной. На дорогѣ онъ остановился у шинка, чтобы выпить съ товарищемъ. Шинкаръ отвязалъ жену и предложилъ ей поѣсть, но она, отъ усталости и боли, упала въ сани. Выйдя изъ шинка, мужъ повезъ было ее въ саняхъ, но черезъ нѣсколько времени опять привязалъ ее къ оглоблѣ и такъ вѣхалъ въ свое село. Иногда это варварское наказаніе опредѣляется сходомъ, мужъ является въ такомъ случаѣ только исполнителемъ общественнаго приговора. Лѣтъ шесть тому назадъ, въ слободѣ Новая-Калита, Острогожскаго уѣзда, одинъ крестьянинъ принесъ жалобу, что жена его ведетъ неприличную жизнь, вслѣдствіе дурнаго вліянія тещи. По рѣшенію деревенскаго схода, мать и дочь были выведены на слободскую площадь, гдѣ имъ приказано было очищать ее отъ навоза. Послѣ этого, онѣ были запряжены въ телегу, наполненную навозомъ, на которую влѣзь принесшіи жалобу мужъ, и сталъ на нихъ прикрывивать, чтобы онѣ бѣжали шибче. Къ нему присоединилось потомъ еще два-три человѣка. Женщины, запряженные въ телегу, бѣжали, хотъ и не скоро. Онѣ вывезли навозъ за слободу и потомъ подвезли телегу съ сидящими на ней крестьянами къ крыльцу волостнаго правленія. Во многихъ мѣстахъ это звѣрство сократилось до простаго символа. Такъ, въ Олонечкой губерніи, если новобрачная оказывается не дѣвственницею, веолачиваютъ надъ дверью гвоздь, вѣшаютъ на него хомутъ и проводятъ подъ нимъ молодую и ея мать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хомутъ надѣвается въ такихъ случаяхъ на мать новобрачной. Малороссы надѣваютъ хомутъ, сдѣланный изъ соломы,

на отца, не досмотрѣвшаго за своей дочерью. Приведа эти факты, г. Якушкинъ замѣчаетъ: «Единственное историческое извѣстіе о запряганіи женщинъ въ телегу мы находимъ въ лѣтописи: <аще поѣхати будяше Обрину, не дадаяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ и повезти Обрина; тако мучиху Дулѣбовъ» (П. С. Л., Т. I, 5). Извѣстіе это не имѣетъ, можетъ быть, прямого отношенія къ существующему у насъ обычаю; но оно, во всякомъ случаѣ, не лишено нѣкотораго значенія, такъ какъ у насъ запряганіемъ въ телегу наказываются почти исключительно однѣ только женщины» («Обычное право», ХLI, въ примѣчаніи).

И такъ, солидный и осмотрительный изслѣдователь полагаетъ, что въ народѣ нашемъ сохранилась, такъ сказать, отрыжка нравовъ тѣхъ древнихъ мучителей Дулѣбовъ, которые исчезли такъ безслѣдно, что даже въ поговорку обратились слова: погибоша, аки Обры. Звѣрскіе завоеватели стерты съ лица земли, но ихъ господство не прошло даромъ, и, можетъ быть, прямые потомки тѣхъ самыхъ Дулѣбовъ, которыхъ Обры «такъ мучиху», вѣдять теперь на своихъ женахъ и матеряхъ или надѣваютъ на нихъ комуты. *Le mort saisit le vif*, какъ гласитъ французская юридическая поговорка. Изъ вѣдръ исторіи мучители Обры продолжаютъ еще мучить своихъ мучениковъ, передавъ имъ свой мучительскій складъ. Конечно, это — только предположеніе, но вѣдь не въ немъ и дѣло. Вѣрно то, что приведенный обычай составляетъ очень древнюю, историческую бытовую особенность русской жизни и, притомъ, довольно распространенную еще очень недавно. Многіе видали, безъ сомнѣнія, лубочныя картинки съ изображеніемъ запряженныхъ въ телегу женщинъ; многіе слышали очень извѣстную залихватскую пѣсню о томъ, какъ

Сынъ на матери капусту возилъ,

Молоду жену въ пристажу водилъ.

Мнѣ не хочется вдаваться въ область семейныхъ отношеній, потому что объ этомъ у насъ скоро пойдетъ болѣе подробная рѣчь. Но я приведу еще одинъ случай «переживанія» обычая, очевидно, вытекающаго изъ глубокой древности. Очень еще недавно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ охотникъ рекрутъ, жившій въ семьѣ нанявшаго его крестьянина, получалъ право на всѣхъ молодыхъ женщинъ дома. Это, вѣдь, чуть не тѣмъ періодомъ развитія пахнеть, когда людодѣды предоставляютъ жену или женъ илѣннику, обреченному на съѣденіе.

Желательно было бы знать, признаетъ ли г. П. Ч. эти несомнѣнныя бытовыя особенности русской жизни достойными стать источникомъ нашихъ литературныхъ направленій. А снохачество? («Обычное право», стр. 35, 174, 187), а зарываніе живыхъ людей въ землю для прекращенія повальныхъ болѣзней? (XXXV, 180), а безобразныя наказанія за воровство, «по своей обстановкѣ напоминающія торжественный приводъ плѣнника, захваченнаго враждебнымъ ему племенемъ или родомъ?»

«Можетъ быть, таково и было ихъ историческое начало», замѣчаетъ г. Якушкинъ (XXXVIII). Можемъ ли мы, образованное русское общество, избавиться отъ своего нищенства, прильпившись къ той древней, непрерывной, но мрачной исторіи, которая породила этотъ рядъ, съ какою угодно точки зрѣнія, отвратительныхъ явленій? Ясно, что вопросъ, занимающій г. П. Ч., гораздо глубже и страшнѣе, чѣмъ ему кажется. Только сахарные Маниловы, да еще трусы и лѣнтяи, отлынивающіе отъ своихъ нравственныхъ обязанностей, могутъ ждать, что «люди деревни», вытерпѣвшіе гнѣтъ не однихъ Обровъ, такъ вотъ и скажутъ «надлежащее слово», даже предполагая, что они имѣютъ уже фактическую возможность его сказать. Фраза г. П. Ч. есть только фраза (ее давно уже г. Достоевскій сказалъ: «Власы спасутъ себя и насъ»). Вѣдь не ждетъ же онъ самъ слова людей деревни, а говорить свои собственныя слова, сложившіяся отчасти подъ вліяніемъ наблюденій надъ бытомъ народа, отчасти подъ вліяніемъ «заграничныхъ формулъ». Какъ ужъ сказано, я имѣю честь раздѣлять многія воззрѣнія г. П. Ч. и, въ частности, совершенно согласенъ, что литература наша и все общество только тогда избавятся отъ дальнѣйшаго обнищанія—если послѣдній предѣлъ его еще не достигнутъ — когда примутъ во вниманіе нужды и воззрѣнія народа. Это—единственный для насъ способъ начать новый періодъ русской исторіи. Но не такъ оно просто, какъ думаетъ г. П. Ч.

Если въ этомъ дѣлѣ неумѣстна слащавая маниловщина, то столь же неумѣстно было бы что-нибудь въ родѣ окрика Собакевича: одинъ почтмейстеръ—порядочный человекъ, да и тотъ свинья. Рядомъ съ варварскими чертами русскаго обычнаго права можно поставить множество высокихъ и, по истинѣ, умилительныхъ чертъ народнаго характера. Но даже въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя съ нашей точки зрѣнія составляютъ завѣдомое преступленіе, обычное право представляетъ часто какую-то совершенно своеобразную смѣсь наивности, насилія и высокой честности. Чтѣ вы скажете, напримѣръ, о такомъ способѣ займа хлѣба натурой, который практикуется въ землѣ Войска Донскаго: въ неурожайные годы нуждающіеся отправляются въ степь и тамъ воруютъ у зажиточныхъ необмолоченный хлѣбъ? Но это—не воровство, а заемъ, потому что, при первомъ же хорошемъ урожаѣ, хлѣбъ возвращается и складывается на томъ же самомъ мѣстѣ, и, притомъ, всегда двумя или тремя копнами больше, чѣмъ было взято. Иногда оставляется записка, что хлѣбъ, де-сеять, былъ взятъ изъ крайней нужды и при первомъ урожаѣ будетъ возвращенъ съ прибавкой. Похищеніе лѣса, какъ извѣстно, не считается крестьянами преступленіемъ. Г. Якушкинъ замѣчаетъ, впрочемъ, что не одними крестьянами, и разсказываетъ два близко ему извѣстныхъ случая, изъ которыхъ особенно любопытенъ слѣдующій. Одинъ помѣщикъ самъ нарядилъ подводки, самъ поѣхалъ съ ними ночью въ казенный лѣсъ и тамъ лично

распоряжался работами. Утромъ, онъ осматрѣлъ деревья, привезенныя въ усадьбу, и, если попадалось кривое дерево, негодное на постройку, то виноватаго крестьянина онъ тутъ же съѣлъ. Это было незадолго до освобожденія крестьянъ. Какъ бы то ни было, но крестьянъ не грызеть совѣсть, когда они воруютъ дѣсь, Этого мало. Въ Пензенской губернии существуетъ обычай «заворовыванія». Крестьяне вѣрятъ, что укравшій благополучно въ ночь передъ Благовѣщеньемъ, можетъ цѣлый годъ воровать безопасно. Поэтому, не говоря о ворахъ по ремеслу, крестьяне въ эту ночь стараются обезпечить себя на цѣлый годъ отъ штрафовъ за самовольныя порубки: они воруютъ что-нибудь у сосѣда, но на слѣдующее же утро возвращаютъ украденное.

Разумѣется, не эти наивныя бытовныя особенности русской жизни прельщаютъ г. П. Ч. «Подразумѣвая» подъ деревней «единицу, олицетворяющую собою принципъ солидарности, нравственной связи въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и нравственной разобщенности, выразителемъ которой былъ и есть европейскій городъ», онъ, безъ сомнѣнія, имѣеть въ виду многоразличныя черты общинаго элемента на Руси. Эти особенности русскаго обычнаго права въ общихъ чертахъ достаточно извѣстны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ важны, чтобы распространяться объ нихъ здѣсь, когда мнѣ остается такъ мало мѣста. (Въ книгѣ г. Якушкина собраны указанія и по этой части). Значеніе ихъ не я, конечно, буду умалять. Я имѣю честь раздѣлять взглядъ г. П. Ч., что мѣтніе, «будто Россія только отстала отъ запада, отличается отъ него единственно *степенью* развитія» — ошибочно, и что «центръ тяжести вопроса не въ степени, а въ *типѣ*, въ характерѣ развитія». Но я не рѣшился бы прибавить, какъ это дѣлаетъ г. П. Ч., что «онъ (типъ) всегда былъ и *впередъ будетъ иной*». Полагаю, что это слишкомъ сильно сказано. Когда-то и въ Европѣ господствовалъ общинный элементъ, а въ будущемъ есть большая вѣроятность, что типы европейскаго и русскаго развитія съ теченіемъ времени сольются. Это можетъ произойти двумя путями. Или Европа круто повернетъ въ своемъ развитіи и осуществить у себя идею «единицы, олицетворяющей собою принципъ солидарности и нравственной связи», чѣмъ въ Европѣ многіе озбочены. Или мы побѣдимъ по торной европейской дорожкѣ, о чемъ у насъ также многіе хлопочуть. Я думаю даже, что весь интересъ современной жизни, для мыслящаго русскаго человѣка, сосредоточивается на этихъ двухъ возможностяхъ. Что же касается до розоваго убѣжденія г. П. Ч. насчетъ того, какъ будетъ впередъ, то мнѣ и тутъ остается только завидовать ему. Дѣйствительность не оправдываетъ, однако, его оптимизма. Въ статическомъ отношеніи дѣйствительность обнаруживаетъ прежде всего крайнее разнообразіе бытовыхъ особенностей русской жизни, а, слѣдовательно, и тѣхъ «словъ», которыя люди деревни могутъ въ данную минуту сказать по разнымъ сторо-

намъ жизни. Слѣдовательно, человѣку, вполне искренно желающему прислушаться къ голосу деревни и обновить себя имъ, надо выбирать. Вы скажете, что это слишкомъ смѣло, что не намъ, нищимъ знаніемъ и совѣстью, налагать руку на вѣковую исторію народа и сортировать ея содержаніе. Можетъ быть, оно и смѣло. Но жизнь часто такъ слагается, что очень смѣлыя дѣйствія оказываются фатально неизбѣжными. Какъ бы мы ни были дрянны и пусты и какъ бы мы ни относились къ бытовымъ особенностямъ русской жизни, но любой изъ насъ, встрѣтивъ въ дѣйствительности сцену, изображенную въ пѣснѣ, неизбѣжно долженъ будетъ сказать, что капусту на матери возить и жену въ пристяжку водить—свинство. При этомъ совершенно безразлично, какими путями вы дошли до такого убѣжденія,—«трепаніемъ ли заграничныхъ формулъ», чтеніемъ ли чувствительныхъ романовъ или какъ иначе. Важенъ тотъ фактъ, что вы встрѣтились съ несомнѣннымъ свинствомъ, которое иначе квалифицировать не можете. А если вы хоть разъ, хоть на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, дали себѣ право разбора и сортировки народной правды, такъ ужъ останавливаться нѣтъ резона, и вы должны выработать себѣ какіе-нибудь общіе принципы, съ точки зрѣнія которыхъ сортировка возможна. Къ такому же результату приводятъ соображенія о динамической сторонѣ дѣйствительности. Если бы въ прошломъ народъ нашъ не зналъ ни Оброть, ни другихъ мучителей и, въ особенности, если бы будущее его было столь твердо опредѣленно, какъ это вѣжета г. П. Ч., тогда, конечно, намъ нѣчего было бы и соваться въ народную жизнь съ своими идеалами и нравственными требованіями. Но вѣдь этого нѣтъ. Оставляя даже въ сторонѣ прошедшее, мы видимъ, что чуть не съ каждымъ годомъ типъ народной жизни грозитъ измѣненіемъ и приближеніемъ къ европейскому типу. Цѣлые вѣка пронеслись надъ нашимъ народомъ, почти не затронувъ его духовной жизни; но наше время—совсѣмъ не то, что тѣ вѣка замкнутости и черепашняго хода. Однихъ желѣзныхъ дорогъ, обращающихъ почти въ ничто разстоянія между центрами и окраинами, достаточно, чтобы до очень высокой степени ускорить пульсъ народной жизни и заставить ее въ нѣсколько лѣтъ измѣниться сильнѣе, чѣмъ когда-то въ нѣсколько вѣковъ. А такъ какъ измѣненія при этомъ могутъ происходить самыя разнообразныя, то намъ предстоитъ опять-таки необходимость выбирать. Вы скажете опять, что это слишкомъ смѣло, а я опять скажу, что это неизбѣжно. Если вы живой человѣкъ—а вѣдь не кукла же вы—такъ у васъ непременно есть свой Ормуздъ и свой Ариманъ, свои понятія о добрѣ и злѣ. Они, какъ жена—не сапогъ, съ ноги не сбросишь.

И такъ, рецептъ г. П. Ч., не смотря на всю свою близость къ истинѣ, невозможенъ. Оживить нашу литературу, прекратить наше нищенство ожиданіемъ надлежащаго слова, которое скажутъ люди деревни—нельзя. Для этого пропасть между нами и

народомъ слишкомъ глубока. А между тѣмъ г. П. Ч. былъ въ самомъ дѣлѣ близокъ отъ истины. Вернемся на минуту назадъ, къ г. Любавскому.

Говоря, что наше отечество ipse sibi jus constituit, г. Любавскій разумѣетъ только гражданское право. Но такъ какъ въ томъ же третьемъ томѣ его монографій есть статейка: «Сущность и цѣли наказанія», гдѣ комментируются нѣкоторыя статьи уложенія о наказаніяхъ, то не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ народа на уголовное правосудіе.

Извѣстно то теплое, гуманное отношеніе народа къ наказаннымъ преступникамъ, которое такъ полно выражается названіемъ «несчастнаго». «Въ Тобольской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ:— какъ мнѣ случалось видѣть самому, нерѣдко цѣлая толпа крестьянокъ выходитъ за околицу и раздаетъ бѣлый хлѣбъ и пироги проходящему мимо этапу. Въ городѣ Вереѣ, Московской губерніи, есть въ высшей степени замѣчательный обычай: въ свѣтлое воскресенье, послѣ заутрени, весь народъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, идетъ прямо изъ церкви въ острогъ и, христосуясь съ арестантами, раздаетъ имъ подаваніе». Это—только частныя выраженія существующаго, кажется, по всей Россіи воззрѣнія на наказанныхъ преступниковъ. Эта черта стапетъ въ особенности поразительна. если поставить ее рядомъ съ строгостью большей части обычныхъ наказаній, строгостью, доходящей даже до смертной казни, по приговору сельскаго схода (такой случай былъ въ 1872 г. въ Самарской губерніи: казненъ былъ воръ и поджигатель). Народъ, крайне, часто до звѣрской жестокости строгій къ преступнику, подлежащему (законно или незаконно) его, народному, суду, проникается вдругъ поразительною мягкостью, когда преступникъ попадаетъ въ острогъ или ссылается въ Сибирь, т. е. когда онъ осужденъ не народомъ, а властями. Такой же коноврадъ или поджигатель, какой жестоко истязается самими крестьянами, становится вдругъ въ ихъ глазахъ «несчастливымъ», какъ только его касается рука не народного, чуждаго народу правосудія. Народъ даже не спрашиваетъ, въ чемъ состоитъ его преступленіе; онъ въ острогѣ, въ ссылкѣ—и этого довольно, чтобы смыть съ него пятно преступленія: пятна нѣтъ. Само собою разумѣется, что такое отношеніе къ острогу, тюрьмѣ, ссылкѣ должно имѣть свои глубокія историческія причины. «На образованіе его, говоритъ г. Якушкинъ:—вѣроятно, имѣли большое вліяніе недостатки прежняго суда и тягость крѣпостнаго права, въ силу котораго остроги наполнялись людьми, ссылаемыми въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ». Г. Якушкинъ справедливо прибавляетъ, что какъ бы ни былъ мутенъ источникъ такого теплаго отношенія къ преступнику, вліяніе его благотвительно и имѣетъ важное практическое значеніе; оно остается явленіемъ высокимъ. Но происхожденіе его, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что наше право отнюдь не выросло изъ дѣйствительной жизни *русскаго народа*, какъ не-

основательно пишетъ и подчеркиваетъ г. Любавскій, что передъ нами здѣсь развертываются два рѣзко различныхъ правовыхъ міра, изъ которыхъ ни одинъ не хочетъ знать другого. Конечно, реформы нынѣшняго царствованія должны сгладить эти рѣзкости. Но фактъ остается фактомъ. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ уже не простое разногласіе между законодательствомъ и обычнымъ правомъ. Разногласія, пожалуй, если хотите, вовсе даже нѣтъ: пока конокрадъ, поджигатель, убійца не подвергся карѣ закона, онъ—не несчастный въ глазахъ народа, а преступникъ, какъ и въ глазахъ закона, и даже ненавистный врагъ, котораго мужикъ готовъ своеручно и совершенно безжалостно убить. Дѣло мѣняются (слѣдуетъ, можетъ быть, говорить въ прошедшемъ времени: мѣняли) только тѣ формы слѣдствія, суда и наказанія, въ которыхъ и законодательство, и мы, образованные русскіе люди, видимъ гарантіи общественной безопасности и выраженіе справедливости. Этотъ парадоксальный результатъ станетъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что до новѣйшаго времени законодательство не принимало въ соображеніе интересовъ народа, которые постоянно жертвовались другимъ цѣлямъ и нуждамъ, государственнымъ, военнымъ, сословнымъ. Не будемъ разсуждать о томъ, насколько такое направленіе нашего законодательства оправдывалось историческою необходимостью. Вѣрно то, что съ освобожденіемъ крестьянъ долженъ бы былъ открыться совершенно новый періодъ нашей политической жизни...

Но законодательныя сферы не про насъ, профановъ, писаны, и я покидаю ихъ тѣмъ охотнѣе, что и заговорилъ о нихъ не ради ихъ самихъ. Не только наше старое законодательство не хотѣло или не могло принимать въ соображеніе интересы народа; ихъ и теперь не принимаютъ въ соображеніе ни общество, ни литература. Какъ только крѣпостное право пало, литература логически должна бы была сдѣлать интересы народа мѣриломъ всѣхъ подлежащихъ ей сужденію вопросовъ. Оно такъ сначала и было, но очень недолго. Литература, подъ влияніемъ разныхъ очень сложныхъ обстоятельствъ, весьма быстро усвоила себѣ другой тонъ и направленіе. Она ухватилась за разныя отвлеченныя формулы, выработанныя европейскою политическою жизнью. Повидимому, тутъ-то и должно было начаться ея процвѣтаніе, потому что въ нее какъ бы привзошла европейская исторія въ ея результатахъ. На дѣлѣ вѣдь однако этого нѣтъ, да и не можетъ быть. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было много разъ доказываемо, что, напримѣръ, европейскій либерализмъ не имѣетъ у насъ подъ собою никакой почвы, вслѣдствіе чего у насъ возможны либералы-крѣпостники, въ родѣ гр. Орлова-Давыдова и либералы-протекціонисты, въ родѣ г. Полетики; что европейскій консерватизмъ есть у насъ совершенная безсмыслица, потому что нашимъ консерваторамъ нѣчего консервировать; что еще большую безсмыслицу представляетъ русскій клерикализмъ и т. д. Но этого мало. Цѣльное и искреннее отношеніе къ евро-

дейскимъ формуламъ невозможно для насъ не только по причинамъ, въ насъ лежащимъ, а и потому еще, что сами они, даже у себя на родинѣ подвергаются разложенію и скептицизму. Позволяю себѣ привести нѣсколько словъ изъ моихъ «Литературныхъ замѣтокъ» 1873 года. Все равно: мнѣ пришлось бы то же слово и такъ же молвить, придумывать же новыя выраженія для тѣхъ же мыслей скучно и ненужно: «Колесо національнаго богатства только-что начинается вертѣться въ Россіи и притомъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Впервыхъ, огромная часть производительныхъ силъ страны находится еще въ рукахъ народа, т. е. трудящихся классовъ. Значитъ, для созданія національнаго богатства по программѣ отечественной журналистики, надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Во вторыхъ, отодраніе это надо производить сознательно, потому что прислушиваемся же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ, знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа, что Миллю приходится задумываться, насколько состоятельны тѣ самыя начала, которыя мы у себя вводимъ. Въ третьихъ, отодраніе должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ, еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отдиранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе — вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при теперешнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ, какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія, мысли отъ разума. Мудрено ли, что имъ нужно опьянѣніе хорошими словами и общими мѣстами съ одной стороны, мелочами будничной жизни — съ другой. Я думаю, что самому закоренѣлому злодѣю нужно напиться пьянымъ, чтобы сознательно совершить безцѣльное убійство. Кто знаетъ, можетъ быть, и въ «Гражданинѣ», и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» есть большіе таланты, но, придавленные своимъ ужаснымъ, почти невѣроятнымъ положеніемъ, они не могутъ развернуться. Прильпе языкъ къ гортани ихъ. И таково положеніе вещей, что этому надо почти радоваться, за людей, за человѣческую природу радоваться. Еслибы при такомъ дѣлѣ языкъ не прилипъ къ ихъ гортани, это были бы какія-то чудовища, которымъ нѣтъ имени въ зоологіи. И потому я еще разъ говорю: явись въ современную литературу десятки крупныхъ талантовъ, перво-классныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, они ни на волосъ не измѣнятъ фзіономіи литературы — если принесутъ съ собой только таланты, технику и знанія»...

Они должны принести съ собою новую, законную, логически вытекающую изъ строя русской жизни точку зрѣнія; они должны взять интересъ народа мѣриломъ всѣхъ общихъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ обсужденію. Только тогда прекратитъ

ся наше духовное нищенство и настанет возможность приобрести какое нибудь действительно цѣнное имущество, которымъ могли бы помянуть насъ наши дѣти и внуки. Возьмите любой вопросъ изъ занимающихъ литературу. Вотъ, напримеръ, журналъ «Дѣло» очень беспокоится о какомъ-то «хозяйствѣ на умѣ» и вздыхаетъ по интеллектуальному величію древней Греціи. Можетъ ли почтенный журналъ говорить на эту тему свободно, смѣло, искренно, горячо, не оглядываясь по сторонамъ, когда съ рабствомъ, составившимъ основу интеллектуальнаго величія древней Греціи — покончено? Конечно, нѣтъ. Почтенный журналъ вынужденъ вало, безпѣтно тянуть свою канитель, потому что у него нѣтъ и быть не можетъ ни подлинной вѣры въ то, во что онъ вѣритъ, ни надежды на то, на что онъ надѣется, ни любви къ тому, что онъ любитъ. Будь въ такомъ положеніи человекъ семи пядей во лбу, онъ будетъ вялъ, скученъ, блѣденъ, безсиленъ. Возьмите какой нибудь практическій вопросъ, напримеръ, вопросъ о провинціальной печати, поднятый г. Мордовцевымъ. Прочтите статью г. Мордовцева и тѣ два или три возраженія, которыя были представлены на нее въ газетѣ «Недѣля». Съ той и другой стороны высказаны ряды аргументовъ и фактовъ и въ пользу, и въ порицаніе какъ принципа централизаціи, такъ и принципа децентрализаціи, самоуправления. Сообразно этому, г. Мордовцевъ умаляетъ, а «Недѣля» возвеличиваетъ роль мѣстной провинціальной печати. Между тѣмъ, споръ этотъ не приводитъ рѣшительно ни къ какому осязательному результату, хоть бы его и не было, и, несмотря на глубокой интересъ сюжета, прошелъ совершенно незамѣченнымъ: И это вовсе не зависитъ отъ малой талантливости и малаго количества знаній спорящихъ сторонъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ спорѣ обнаружались въ совершенно достаточной степени и таланты, и знанія. Но будь они даже несравненно выше, результатъ вышелъ бы тотъ же. По тому что кто у насъ искренно вѣритъ въ принципъ централизаціи и возлагаетъ на него надежды? Никто, ни даже самъ г. Мордовцевъ, который даже не знаетъ, какъ назвать систему фактовъ и мнѣній, на которую опирается. Поглощеніе центрами окраинъ онъ называетъ то теоріей, то «даже и не теоріей, а живымъ фактомъ», то социологическимъ закономъ, то въ родѣ какъ закономъ, то временнымъ уродствомъ, то печальнымъ, то радостнымъ явленіемъ. А кто вѣритъ въ безусловные принципы децентрализаціи и самоуправления? Опять-таки—никто, ни даже «Недѣля», потому что вѣдь и многіе щедринскіе помпадуры о децентрализаціи хлопчутъ, и феодализмъ представлялъ систему мѣстнаго самоуправления, и покойный германскій союзъ, съ своими десятками Фридриховъ XX рейсъ-шлепскихъ и Рудольфовъ XXX саксенъ-гохвиркенскихъ, былъ федераціей, и остзейскіе бароны на децентрализаціи настаиваютъ. Ясно, что, пока принципы централизаціи и децентрализаціи не будутъ сведены къ нѣкоторому третьему принципу, отъ нихъ не зависающему, но

могущему дать имъ живой смыслъ и содержаніе, до тѣхъ поръ можно совершенно безслѣдно писать съ точки зрѣнія того и другого даже многотомныя сочиненія о провинціальной печати. Цѣлая подобная библіотека ни на одну іоту не оживитъ литературы. Но откуда же взять этотъ третій принципъ, этого верховнаго судью политическихъ формулъ, удовлетворявшихъ когда-то Европу, а можетъ быть, и теперь кое-кого тамъ удовлетворяющихъ, но на которыхъ наше нравственное чувство ни коимъ образомъ успокоиться не можетъ? Я отвѣчаю: принципъ этотъ есть интересы народа. Допустите этотъ принципъ, на примѣръ, въ вопросъ о централизаціи и самоуправленіи и, въ частности, о столичной и мѣстной печати. Прежде всего окажется, что принципы централизаціи и самоуправления сами по себѣ, какъ таковыя (выражаясь нѣмецкимъ философскимъ жаргономъ), суть ядро, выѣденное исторіей. Почему, на примѣръ, мной сторонникъ децентрализаціи и мѣстнаго самоуправления вторгается въ остзейскіе порядки и обзываетъ ихъ дурными словами? Потому что тамъ асты и латыши, т. е. народъ, изнываютъ подъ тяжестью средневѣковыхъ привилегій бароновъ. Такъ и откиньте совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, отставьте на второй планъ принципъ самоуправления, только затемняющій дѣло и ужъ, конечно, ничего не освѣщающій. Признайте разъ навсегда, что въ обоихъ противоположныхъ принципахъ централизаціи и самоуправления нѣтъ ничего абсолютно цѣннаго, что въ каждомъ частномъ случаѣ, на различныхъ ступеняхъ исторіи, и тотъ, и другой получаетъ особенное значеніе и подлежитъ особому изслѣдованію съ точки зрѣнія интересовъ народа.

Но, замѣтите, *интересовъ* народа, а не голоса деревни. Это—совсѣмъ не одно и то же. Хороши бы мы были, еслибы, проживъ цѣлыя вѣка на счетъ деревни и изуродовавъ ее крѣпостнымъ правомъ, сложили теперь руки и сказали бы: шабаш! мы пусты, какъ шелуха орѣха, мы ни во что не вѣримъ; нѣтъ у насъ своего ничего завѣтнаго: выходи, мужикъ, выходи и поучай насъ! Корми насъ, въ придачу къ хлѣбу, еще и духовной пищей! Это было бы верхъ барства, возмутительнѣйшій его видъ. Неспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вождедѣнный новый періодъ русской исторіи. Голосъ деревни слишкомъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы, искренно и честно признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то, что, дѣйствительно, этимъ интересамъ соответствуетъ. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатъ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей. О, еслибы я могъ утонуть, распылиться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротнo, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, каковой мнѣ удалось добыть на счетъ того же на-

рода! О, еслибы и вы всё, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи...

Принципъ интересовъ народа, не будучи никогда выставленъ съ достаточною силою и на достаточномъ районѣ, не былъ никогда и разбитъ исторіей, а, слѣдовательно, мы, по малой мѣрѣ, не знаемъ, можно ли имъ жить. Надо пробовать. Если онъ не выдержитъ пробы, остаются Нирвана и Гартманъ—я не знаю другого выхода. Но прежде, чѣмъ броситься въ эту мертвечину, надо пробовать жить. Но надо помнить, что это—именно проба жизни и что нужно, слѣдовательно, живое отношеніе къ дѣлу, а не заученое проскакиваніе вольтижеровъ съвозъ обручи, заклеенные бумагой, не кувыряніе въ мертвыхъ формулахъ. Недавно я слышалъ вотъ какое *радикальное* разсужденіе по поводу дѣла о завѣщаніи Пантелѣевымъ 900,000 на выкупъ крестьянъ Порховскаго уѣзда. Нѣто бранилъ газеты, поднявшія по поводу этого дѣла шумъ, т. е. не одобрялъ одно изъ немногихъ проявленій нашими газетами истиннаго нравственнаго чувства. Это—все жалкія слова, говорилъ онъ. Адвокатъ имѣетъ полное право братья за всякое дѣло, если законъ оставляетъ ему нужныя для того лазѣйки: можно оттягать наслѣдство, оттягивай—только такимъ образомъ, вызвавъ, наконецъ, реакцію, законъ и можетъ быть пополненъ и исправленъ. Крестьяне тутъ тоже не причемъ. Не все ли, вопервыхъ, равно: крестьяне или кто другой окажется обойденнымъ наслѣдниками и адвокатами, а, вовторыхъ, еслибы дѣло шло о какой-нибудь общей, радикальной мѣрѣ въ пользу крестьянъ, тогда такъ, а то чего же тутъ волноваться? нѣсколько десятковъ человѣкъ крестьянъ кончатъ съ выкупными платежами—только вѣдь и всего.—И всё эти разсужденія, читатель, суть не что иное, какъ мертвечина и крючкотворство. Я ихъ и привожу только, какъ образчикъ мертворожденнаго радикализма. Прежде всего, всякая способность, а, слѣдовательно, и способность различать добро и зло, етъ неупотребленія притупляется. Страна, въ которой адвокаты открыто берутся за всякія дѣла, если законъ предоставляетъ нужныя для того лазѣйки, не замедлитъ развратиться въ концѣ, насквозь, во всёхъ слояхъ общества. Это ужъ будетъ дѣло настолько готовое къ тому времени, когда законъ пополнится и исправится, что никакой законъ тутъ ничего не подѣляетъ. И вотъ почему наши «прелюбодѣи мысли» вредны и подлежатъ преслѣдованію. Не велика бы еще бѣда, еслибы дѣло ограничивалось только гибелью ихъ собственныхъ прелюбодѣйскихъ душъ. Но они, «вверху стоящіе, что городъ на горѣ, дабы всёми видѣнъ былъ», они, практикующіе неправду съ блескомъ и громою, влекутъ за собой все общество въ омутъ позора. Вовторыхъ, общія мѣры въ пользу крестьянства нибомъ образомъ

нельзя ставить рядомъ съ завѣщаньемъ Пантелѣва, нельзя ими мѣрять другъ друга, потому что эти — явленія несоизмѣримыя. Будемте говорить объ общихъ и частныхъ, радикальныхъ и паллятивныхъ мѣрахъ, наприимѣръ, по устройству сельскаго кредита. При этомъ позволительно сравнивать системы, дающія возможность кулакамъ усилить свое кулачество, съ системами, представляющими кредитъ массѣ сельскаго населенія. Но Пантелѣвское завѣщаніе есть дѣло совсѣмъ другого порядка; въ немъ важны тѣ мысли и чувства, которыя сопровождали этотъ актъ. Пантелѣвъ смотрѣлъ, конечно, какъ на нравственный долгъ, на эти 900,000. И это нравственное чувство подлежитъ укрѣпленію, питанію и гарантіи, что долгъ будетъ полученъ кредиторомъ. Гарантіи эти должно представить общество и его представительница—литература. Литература можетъ требовать мѣръ общихъ и радикальныхъ, доказывать недостаточность и даже вредъ мѣръ частныхъ и паллятивныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она обязано лелѣять, какъ нѣчто драгоцѣнное, каждое проявленіе нравственнаго чувства и любовно оберегать его отъ наскоковъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ баши-бузукоевъ. Въ концѣ-концовъ, только живое нравственное чувство можетъ представить нѣчто подобное той точкѣ въ пространствѣ, которой требовалъ Архимедъ для того, чтобы перевернуть земной шаръ. И вотъ почему я не могу согласиться съ моимъ радикальнымъ собесѣдникомъ насчетъ поведенія нашихъ газетныхъ фельетонистовъ въ дѣлѣ завѣщанія Пантелѣва. Кто знаетъ, можетъ быть, тутъ судьба намъ новое счастье на новый годъ посылаетъ?

Н. М.